

Александров А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России ♦

ЗАКОН-ТЕКСТ-ПРАВО

Выскажу в конспективной форме несколько соображений по поводу соотношения текста закона и «реального» права.

1. Право (уголовно-процессуальное право в том числе) – это смысл текста закона, полученный (актуализированный) судом в результате интерпретационной, перзуазивной¹, игровой деятельности сторон с применением рациональной аргументации, юридической техники, риторики, психологии, т.е. средств речевого убеждения. Если законодательство – это партитура, то право – это музыка, сама гармония смысла (если угодно – «логики права») и чувства/правовой эмоции (без последнего невозможен феномен справедливости²).

Текст закон пуст с точки зрения открытости для прочтения (как и любой другой текст). В нем отсутствует какая-либо постоянная опора, посредством которой можно было бы производить центрацию, сгущение смысла. В истолковании закона главным является не установление “воли законодателя”. «Воля законодателя» – одна из юридических фикций, поскольку и сам *Законодатель* – риторическая фигура. Всеобщность, подразумеваемая в праве, и от имени которой оно говорит (от имени “всего народа”) есть один из сопутствующих моментов производства речевого акта (законодательного акта). Если законодательный акт – это речевой акт, то можно сказать, что все законы

♦ **Александров Александр Сергеевич** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России (Россия)

¹ *Перзуазивная* (от лат. persuadere – переговаривать) речедетельность означает обмен доводами и оказание лингво-психического воздействия с целью склонить суд к определенному мнению.

² Ведь принято говорить «чувствую несправедливость» и «несправедливость» возмущает.

ориентированы на будущее и перспективны: их иллокутивный модус – модус обещания³.

Поэтому “правильное” истолкование текста закона состоит в таком смыслопроизводстве, которое создавало бы смысл, признаваемый справедливым, правильным теми, кому оно адресовано. Поскольку презюмируемая законодательным актом аудитория есть народ, постольку вся юридическая речевая деятельность с неизбежностью опирается в смыслотворчестве на здравый смысл, **dox’у**.

2. В классической юриспруденции «пробельность» в праве воспринимается как его недостаток. Все виды толкования предназначены для преодоления технической несовершенности закона, источником которой бывают самые разнообразные причины (исторические, материальные или человеческие) и распознавания воли законодателя. Толкование выступает как дополнение к закону, средство внесения дополнительной ясности в смысл закона.

Но если исходить из тезиса, что текст открыт, разомкнут, составляет часть гипертекста, что работа над текстом, его прочтение, интерпретация производят смысл, неподвластный воле законодателя, то элементы «интерпретация» и «право» мыслится как одно целое. Обратной стороной этого тезиса является постулат о том, что текст никогда не может быть переведен, истолкован до конца, и поскольку нет потенциально единого текста «текста текстов», к которому могут быть сведены смыслы, так что интерпретация бесконечна в виду отсутствия идеального смысла.

3. Право – все в тексте закона, и одновременно вне него: оно в смысле, рожденном интерпретацией от этого закона. Интерпретация закона ведет не к выявлению воли законодателя или “истинного смысла”, который законодатель заботливо вложил в текст так, что нам остается только деловито подставлять свои уши, чтобы «оказаться осведомленными о праве». Интерпретация – это самостоятельная область порождения собственных смыслов, которые обратным

---

³ *Манн де П.* Аллегория чтения. – Екатеринбург, 1999. – С. 325.

ходом приписываются тексту закона. Новый смысл *прописывается* в законе, а потом уступает место другому. Судебный дискурс подобно течению реки вымывает старый смысл из текста закона и привносит с собой новые смыслы; иногда он (дискурс) прокладывает новое русло для права, вопреки даже воле законодателя.

4. Не будет ошибкой сказать, что единственно правильного смысла у текста вообще нет⁴. Есть некая комбинаторика смыслов, вариативность которой, в конечном счете, создается языком судопроизводства. С момента *написания* текста закона, последний существует уже независимо от воли того, кто его написал. Его существование переносится в область интерпретации – смыслопроизводства. В принципе может быть столько же правдоподобных пониманий текста, сколько может быть различных перспектив или, по Гадамеру, «горизонтов понимания». Значение никогда полностью не представляется в знаке или в системе знаков, но всегда является *отложенным*.

5. Определенность права есть временное состояние, есть результат победы какой-то интерпретации над другими – в данном случае, в данное время. Но эта победа временная. Неизбежен кризис смысла. Ведь жизнь развивается, возникают новые ситуации, образуются лакуны в смысле. Как только возникает сомнение в актуальности нормы права, как только кто-то предлагает новую интерпретацию ее смысла, начинается опять борьба и возникает ситуация смысловой неопределенности, т.е. кризис и соответственно появляется необходимость преодоления кризиса, выбора в пользу одной из альтернативных интерпретаций.

Наилучшей гарантией определенности права является разделение властей, конкурентная среда в правовом пространстве, открытость обсуждения правовых вопросов в независимом суде. А создать исчерпывающий в смысловом отношении, непротиворечивый, полный текст закона – иллюзия.

---

⁴ Можно приписать тексту закона единственное значение и даже в некотором смысле каноническое. Именно это старается сделать и правовая герменевтика и официальное толкование (авторитетное толкование), которая старается доказать, что текст содержит “правильное означающее”. Можно, конечно, таким образом на какое-то время захватить право на “Право”. Но вообще говоря это будет видимостью обладания Правом.

Р. Барт заметил, “если текст рассматривают как если бы он был хранителем объективного смысла, то смысл становится настоящим цветком в созданном произведении. Но значение текста перестает быть адекватным понятием, как только к тексту начинают относиться как к производству (а не только как к продукту)”⁵. Поскольку определяющим моментом в интерпретации текста является собственный потенциал, горизонт понимания интерпретатора (не в качестве некоей собственной упорно сохраняемой или проводимой точки зрения, а скорее как мнение и возможность, которую он вводит в игру и ставит на карту), постольку каждая новая интерпретация помогает нам действительно усвоить себе то, что якобы говорится в тексте – расширить свой горизонт понимания права. «Понять текст – это значит, что собственные мысли интерпретатора с самого начала участвуют в восстановлении смысла текста»⁶.

Еще Н.А. Гредескул пришел к выводу, что толкование правовых норм не сводится к тому, чтобы узнать истинную волю законодателя: “Мы не можем ограничиваться волей законодателя”⁷. “Должен наступить совершенно особенный умственный процесс: заполнение пробелов в праве, т.е. пополнения недостатка в воле, и устранения избытка воли там, где он имеется”⁸. Следовательно, *interpretatio* - есть процесс преобразования (образования!) права. Задача применения норм права к отдельным конкретным случаям жизни всегда есть творческая деятельность. “Мы, по необходимости, должны дополнить их чисто творческим процессом - создать то, чего мы не нашли, ибо ни отложить решения задачи, ни удовольствоваться ее частичным решением мы здесь не можем, - значит, то, чего нам не дает законодатель, мы должны дать

---

⁵ См.: *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика (пер. Г.К. Косикова). – М.: Изд. группа “Прогресс”, “Универс”, 1996.– С. 500.

⁶ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988. – С. 451–452.

⁷ См.: *Гредескул Н.А.* К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков. – 1900. – С.144, 147, 157–159.

⁸ См. : *Гредескул Н.А.* Указ. соч. – С.139.

ему сами»⁹. Тем самым речь скорее идет не о пополнении воли законодателя, а о том «восполнении», которое трактуется Ж. Деррида, как добавка и подмена¹⁰.

6. Бытие права состоит в цепочке *восполнений* “воли законодателя”¹¹, или в совокупности замен, подмен, добавлений, приложений, компенсаций первоначального смысла законодательного акта, осуществляемых в процессе чтения-письма текста, т.е. права=текста. “Даже самые ясные законы нуждаются в толковании. Законов, которые были бы совершенно ясны, не существует... Конкретизация *объективных элементов права* требуется *всегда, при всякой норме права и притом всегда, так сказать в одном и том же смысле*”¹². По мнению Н.А. Гредескула, “задача судов вполне совпадает с интеллектуальным процессом распознавания согласия действий с правом”, не *in abstracto*, *in concreto* - в обстановке и условиях тех частных случаев жизни, в которых право должно найти свое осуществление¹³.

Восполнение, компенсация нехватки есть вообще общий механизм понимания, он же лежит и в основании интерпретации права. Как пишет Р. Барт: “Всякая сильная дискурсивная система есть представление (в театральном смысле – шоу), демонстрация *аргументов*, приемов защиты и нападения, *устойчивых формул*: своего рода мимодрама, которую субъект может наполнить своей энергией истерического наслаждения”¹⁴.

Идеологический нерв уголовного процесса сплетен из двух противоположных волокон: публичного и частного. Частное и публичное начала находятся в диалектическом единстве и борьбе противоположностей. Публичный интерес состоит в том, чтобы наказать виновного: «*impunitum non relinqui facinus*”. Частный интерес заключается в создании гарантий гражданских прав и свобод на защиту: “*innocentem non condemnari*». Любая интерпретация идеологична. Вся риторическая аргументация – при

⁹ См. : Гредескул Н.А. Указ. соч. – С. 144.

¹⁰ См.: Деррида Ж. О грамматологии (пер. с фр. Н. Автономовой). – М., 2000. – С. 301, 307-312, 375, 418-423, 449, 490, 497, 508-509.

¹¹ См. об этом Деррида Ж. Указ. соч. С. 494, 510.

¹² См. : Гредескул Н.А. Указ. соч. – С. 159.

¹³ См. : Гредескул Н.А. Указ. соч. – С. 233.

¹⁴ Барт Р. Указ. соч. – С. 538.

интерпретации нормы закона на любом уровне власти – строится для защиты одной из идеологических позиций. Цель интерпретационной деятельности состоит в том, чтобы убедить слушателей в то, что *данный смысл, вкладываемый в нормативное предписание, является истинным в сравнении со всеми другими мыслимым его интерпретациям*. И здесь надо признать тезис П. Рикера о диалектическом взаимодействии интерпретации с аргументацией.

7. Право – это текст закона, помноженный на его интерпретацию в определенном контексте, т.е. «начитанный» текст закона, «додуманный» смысл в условиях определенного состояния игры. Игры, ставкой в которой является власть, богатство и пр. Реальность права надо искать путем интерпретации смысла закона, она в его интертекстуальных связях.

Процесс интерпретации текста закона был бы бесконечным, если бы не применяемая властью система средств по упорядочиванию судебного дискурса. В числе таких тактик – *юридическая и законодательная техники*, которые призваны упорядочивать юридический дискурс. Это делается путем введения идеологом в стандартные формы по производству смысла. Законодательная техника – это техника письма закона. Юридическая техника – техника его прочтения. Посредством средств юридической техники возможно навязывать пользователю определенную направленность в интерпретации текста закона.

Терминология – основной прием, призванный закрепить по возможности жестко за словами специальные значения. Так случилось, что универсальным языком такого юриста стала латынь. И пока западная юридическая модель остается в силе, не изменится и римский подтекст российского текста права. Так что нам юристам остается только принять правила игры, разработанные римскими юристами. Играть на правовом поле смыслами текста закона – вот наш удел. Не больше, но и никак не меньше.

8. Конечно, право связано с властью. Как правило, истинным становится тот смысл закона, который проводит власть. Но властный судебный дискурс должен убеждать аудиторию. Власть, которая основывает свой авторитет на не грубой силе, а стремится утвердиться в качестве справедливой в глазах

общественного мнения, неминуемо прибегает к средствам речевого убеждения. Посредством риторики законодатель убеждает общество в “правости” закона.

Когда законодательная власть исходит из того, что справедливость законов, которые она дает, не является самоочевидной и не желает основывать их авторитет единственно на силе, тогда она прибегает к аргументированию, которое призвано обеспечить их приятие обществом. Обмен мнениями в ходе парламентских дебатов, вокруг которых вскипают комментарии в средствах массовой информации, выявляет публике те аргументы, которые выдвигаются в пользу или против законопроекта, указывают на его достоинства и недостатки. При этом роль аргументации и риторики возрастает с каждым противоречием, при котором взаимообмен и взаимодействие мыслей помогает достигнуть разумного решения¹⁵.

10. В уголовном судопроизводстве сталкиваются два пафоса: пафос устойчивости социальной структуры, характерный для видов диалогов, относящихся к управлению и пафос изменения социальной структуры, характеризующий виды диалогов стилеобразования в ораторике. Судебная ораторика включает пафос стилеобразования, поновления права. Динамизм социальных процессов, демократическая организация без этого невозможны.

Таким образом, в сфере судопроизводства пафос управления сталкивается с пафосом стилеобразования. То, что М. Фуко имеет в виду под «конфигурацией стратегии власти» является следствием сложного взаимодействия в речи пафосов стилеобразования и управления¹⁶. Стилеобразующий пафос дискурса уголовного суда проявляется не только в

---

¹⁵ См.: *Perelman, Ch.* The idea of justice and the problem of argument. London: Routledge & Kegan Paul. 1963. P. 120.

¹⁶ Диалог в судебной ораторике противопоставлен письменной речи на следствии в форме документооборота, реализующий порядок управления. Нахождение правильного сочетания устной и письменной речи определяет эффективность уголовного судопроизводства. Нельзя не видеть неоднородность речедеятельности в уголовном процессе. Письменная речь в досудебном производстве конкурирует с устной речью в суде. В следственном процессе письменной речи отдается предпочтение. В состязательном – устной. Форма процесса обозначает кардинально различные механизмы смыслопроизводства в условиях устной и письменной речи. Сочетание нескольких фактур речи приводит к усилению, обогащению речи, появлению новых возможностей в изобретении смысла и новых правил речедеятельности (запрет или разрешение наводящих вопросов, эристических уловок и пр.).

“скандальных” решения судов присяжных, в конфликтах судебной власти с прокуратурой в случае оправдания подсудимых и пр. Главное стилеобразующее значение в правотворчестве, понимаемом как непрерывном чтении, перечитывании права=текста. Судебный дискурс и есть «право» в его непрерывном челночном движении, различающем правомерность от неправомерного.

11. Судебный дискурс определяет модус уголовной репрессии. Он формирует, обосновывает, скрывает, разрабатывает систему ее риторической апологетики. В ходе доказывания, в котором переплетены риторический, логический, идеологический дискурсы, язык подменяет «объективную реальность» юридической (судебной). Каждый раз, провозглашая в суде об установлении истины преступления/наказания, уголовно-процессуальный язык подтверждает существование права (уголовного и уголовно-процессуального). Истина преступления и наказания есть истина правового языка, на котором о преступлении и наказании говорят люди. Как заметил Р. Барт, правдоподобие есть не что иное, как готовность обвиняемого походить на собственных судей¹⁷.

Назначение речи в суде идет не в том, чтобы «провозглашать истину» (тем более «объективную»), но в попросту и исключительно в самом акте “высказывания”, “говорения”, т.е. чтобы было это «судоговорение», как постоянное проговаривание, актуализация смысла текста закона. Именно в судебном дискурсе, замещающим открытое насилие и формирующем готовность следовать норме, проявляется эффект права, как регулятора общественных отношений. Закон был бы чернильными пятнами на бумаге, если бы судебный приговор не убеждал в его реальной силе.

12. Отсутствие сопоставимости разработки закона и его реального применения (правосудия) может быть преодолено при помощи фигуративности юридического языка (риторики права). В каждом акте применения закона интерпретатор втайне крадет у текста то самое значение всеобщности, на приобретение которого мы, в соответствии с декларируемой логикой этого

---

¹⁷ См.: Барт Р. Указ. соч. – С. 48-49.

текста, не имеем права. Частный случай прочтения смысла текста закона скрытно разрушает его общность. Между тем риторический дискурс убеждает нас в обратном.

Фундаментальный зазор между юридическим дискурсом и реальной практикой по установлению властью «правопорядка» (насилием, конечно) восполняется фигурами юридического языка. Подстановка властью своего смысла под видом «всеобщего» смысла текста закона осуществляется риторической техникой. Риторика актуализирует языковые структуры общественного бессознательного – общие места здравого смысла – чтобы убедить всех (кого это интересует), что судебное решение справедливо.

Риторическая «обманка», которая составляет неотъемлемый момент действия права связана с природой языка, и имеет крайне важное значение для понимания правового механизма. Закон всегда промахивается (он в принципе не может быть идеальным). Но право всегда право, когда мы убеждаемся в реальности окружающего нас юридического мира.

Право делает правом речь, судебный дискурс. Если это эффективный убеждающий дискурс, т.е. он воздействует на публику (аудиторию), значит в тексте закона инсталлируется реальное право. Когда обыватели верят в судебную истину (справедливость приговора), тогда право выполняет свою функцию нормирования, упорядочивания в обществе. Риторическая рукоять (дискурс суда) приводит в действие механизм права=текста.

13. Мы избрали понятие текста для теоретического описания права, именно потому, что право=текст следует рассматривать одновременно как договорную и семиотическую модель, но также и как разрушение этой самой модели, по мере того как она приводится в действие. Закон никогда не работает так, как задумывалось его автором (пример УПК РФ – наглядное тому подтверждение).

Интерпретация всегда производит немного больше или немного меньше смысла, чем предполагалось автором текста закона (иногда так не хватает знаний о его личности). Система права подвластна истощающей энтропии,

каждый акт толкования текста закона вообще-то призван восполнять утрату аутентичного смысла, но бывает, что он дифференцирует или даже отрицает его. Вне зависимости от того, порождает ли интерпретация избыток или недостаток, она всегда приводит к увеличивающемуся отклонению закона от законного состояния, правовых предписаний от политических действий. «Эта дифференциальная структура порождает эмоциональность и оценку, но поскольку различие – это различие, порожденное эпистемологическим расхождением высказывания и его значения, эмоция никогда не сможет быть надежным критерием оценки политически ценностного суждения. Код эмоций прочесть невозможно, а это значит, что он – не код или не просто код. Внутреннее разногласие договорной модели (здесь она называется лингвистической моделью вообще) неизбежно проявится феноменологически, поскольку она определена отчасти как переход, хотя и ненадежный, от чистой теории к эмпирическому феномену. Из несовпадения авторского высказывания (в тексте закона) и его феноменального проявления (как права) следует, что модус существования договора – временный или что время – порожденная этим разногласием феноменальная категория»¹⁸.

Закон говорит от имени нынешнего народа, а не прежнего. Но определение этого “нынешнего народа” невозможно, ибо вечное настоящее договора никогда не удастся соотнести как таковое с любым частным настоящим. Это безвыходная ситуация, которая нашла отражение в юридических фикциях, закрепленных в законе. В отсутствии существования настоящего, общая воля буквально безгласна. И все же именно народ должен высказывать обещание. Народ, повинующийся законам, должен быть их творцом. Только уловка может превратить такой паралич в движение. Поскольку основой самой системы неизбежно оказывается обман, обманывать должна и главная движущая причина. Обманщик всем хорошо известен – это “законодатель”. Но этот индивидуум риторическая фигура, ибо его способность давать обещания зависит от металептического обращения причины и действия.

---

¹⁸ *Манн де П.* Указ. соч. – С. 320.

Легко предсказать, какую метафору породит этот металеписис. Это может быть только Бог, ведь обращение времени причины, ставящее исполнение обещания перед его высказыванием, может появиться лишь в рамках телеологической системы, направленной на слияние фигуры и значения. Именно расхождение грамматики и референциального значения составляет фигуральность языка. Она учитывает то обстоятельство, что два высказывания, лексикологической грамматически тождественные (одно из них так сказать цитата другого), могут, независимо от контекста, иметь два расходящихся друг с другом значения¹⁹.

14. При описании «системы» права в самой систематической форме производится «определение» текста как противоречивого смешения грамматического и фигурального поля. Этого следовало ожидать, ведь юридическая модель неизбежно подразумевает спор (*diaphoric*) и не может притязать на полное отрицание референциального момента.

Внутритекстовые, если угодно, грамматические игры с возвратным модусом, объективно предполагают существование более высокого уровня общности – риторические тропы. Интерпретация текста=права эксплуатирует грамматический и риторический момент. Таким образом, мы называем текстом=правом такое сущее, которое можно рассматривать под этим двойным углом зрения: как производящую, бесцельную, нереференциальную грамматическую систему и как фигуральную систему, завершенную трансцендентальным обозначением, извращающим грамматический код, которым текст обязан своему существованию. «Определение» права как текста устанавливает невозможность его существования и предсказывает появление аллегорических повествований о его невозможности.

Соответственно, мы усматриваем способ существования Права как Текста (Право=Текст) - через бесконечный ряд проявления значений текста закона, через игру знаков-следов в которых дает себя знать воля к власти и знанию. Иными словами: *означающее, что принадлежит всем* – это текст, который работает без устали, а не его автор или его потребитель, производя означаемое

---

¹⁹ См. там же.

как результат сложения воле. Если Л.И. Петражицкий постулировал психическую реальность права²⁰, а советские теоретики права полагались на интуиции народных масс²¹ или на социально-экономический базис, то мы избрали метафорой права *Текст*. Нет никаких начал Права (ни объективных, ни субъективных), нет никакой реальности “объективного права” кроме Текста, смысл которого принадлежит *всем*. Как отмечает Ж. Деррида, «чтение не должно ограничиваться удвоением текста, однако оно не имеет права и выходить за его рамки, обращаясь к чему-то другому - к внешнему объекту (метафизическая, историческая, психобиографическая и прочая реальность) или к внетекстовому означаемому, содержание которого бы возникло (или могло бы возникнуть) вне языка... Внетекстовой реальности вообще не существует»²². На тексте, как поле смыслопроизводства, мы замыкаем всю правовую проблематику.

15. Текст закона и закон текста не совпадают. Вся сущность права – в риторическом механизме восполнения, подмены смысла текста закона. Вместо открытой опоры на насилие власть навязывает себя через речь, судоговорение, интерпретацию смысла текста закона. Подлинная действенность текста=права вызвана риторической моделью, которой он следует. Эта модель – факт наличия языка, неподвластного автору текста закона. Точно так же, как всякий другой читатель, он вынужден был неверно читать свой текст как обещание справедливости. «Заблуждение не в читателе – сам язык отделяет познание от

---

²⁰ Л. Петражицкий отмечал, что “в области позитивного права следует различать три разные вещи: 1) названные (нормативные) факты, соответственные поступки людей, постановления законодателей и т.д.; 2) императивно-атрибутивные переживания, связанные с представлениями этих фактов - само позитивное право, как реальный феномен и 3) соответственные нормы, эмоциональные фантазмы, порождаемые этими переживаниями. И вот традиционное учение этих трех различных категорий, как таковых, не знает и не различает; главную категорию, само реальное позитивное право, обычное, законное право и т.д. (2), оно вообще упускает из виду и не изучает, за реальное позитивное право принимает эмоциональные фантазмы, нормы (3) и, наконец, смешивает эти нормы с велениями законодателей, или другими соответственными фактами (1)”.

См.: *Петражицкий Л.* Теория права: в 2-х томах. Т. 2. – С. 514.

²¹ См.: *Луначарский А.* Революция и суд, *Пашуканис Л.* Народный суд //Известия от 19 апреля 1918 г. № 77(341).

²² *Деррида Ж.* О грамматологии. – М., 2001. – С. 313.

действия. Настолько же, насколько он неизбежно заводит в тупик, язык обещает свою собственную истину»²³.

Продолжать в подобном роде можно бесконечно. Каков же итог?

Так испокон веков сложилось в нашей стране, что закон не только надо принять, но надо еще, чтобы от начальства поступило подробное разъяснение того, как его надо понимать и применять²⁴. То, что судебная власть не обеспокоена тем, как она выглядит в глазах общественного мнения, и не полагается на свою способность творить право, проговаривая смысл текста закона и улавливая в нем все новые нюансы и контекстуальные обстоятельства, свидетельствует об отсутствии демократии и об отсутствии укорененности права в общественном сознании. Это как раз и есть то, что президент России Д.А. Медведев назвал правовым нигилизмом. К сожалению, реальные шаги судебной власти правовому нигилизму потворствуют.

Нам необходим переход от традиционного понимания права и государства, основанного на архетипическом отношении между Отцом и Сыном, к чему-то новому, связанного с общественной солидарностью, партнерством, открытостью к диалогу и саморазвитию. На наших глазах, происходит кризис традиционного правопонимания, кризис *традиционалистской* правовой культуры. То, на что «напоролась» судебная реформа – независимость суда, вернее отсутствие данной независимости, не есть порождение политической конъюнктуры, реализация чьего-то злого умысла. Это естественный результат системы воспитания юристов в нашей стране. Право не может быть выше порога понимания закона людей. Наш упрек адресован прежде всего судьям, их творческой импотенции. К сожалению, судьи так воспитаны, что у них напрочь отсутствуют такие качества, как инициативность, независимость, ответственность за принимаемое решение не перед начальством, а перед вечностью.

---

²³ Манн де П. Указ. соч. – С. 329.

²⁴ Для сравнения приведу высказывание американского философа права, инструменталиста Джемса: «Законы имеют только тот смысл, который мы понимаем». Здесь он имеет в виду народ, любого здравомыслящего человека, свободного гражданина свободной страны.

Наш судья не видит себя творцом права, а ждет указаний сверху. Законодатель занимается тем, что в десятый и сотый раз переделывает, латает относительно недавно принятый закон. А в результате, право все более утрачивает свою связь с реальностью. Законодатель всегда действует с запозданием, творческой силы в судебском корпусе нет, свободы, независимости нет. Нет атмосферы конкуренции, творчества в юридических кругах, в кругах тех, кто судится в судах, толкует тексты законов. Народ же, по привычке, чувствует себя вне игры, которая ведется по правилам, так хорошо понятным ему испокон века: начальник всегда прав. А надо, чтобы был диалог между властью и народом (креативной его частью), чувствуя два полюса напряжения (власть и гражданское общество) каждый судья становится творцом права. А по большому счету каждый из нас должен ощущать себя «источником» права, чувствовать свою сопричастность правовому бытию. Право – это не чиновничье дело, но всеобщее достояние, добытое в открытой, равной борьбе. Только смысл текста закона, прошедший проверку интерпретациями с разных сторон, учитывающих весь спектр идеологических, культурных и пр. составляющих, есть право.